

303	0248-01	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 1 "Ева и Адам"
304	0248-02	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 2 "Всё мало мне"
305	0248-03	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 3 "Люди-пассажиры"
306	0248-04	ГЛЕБ СЕМЁНОВ	"Размышления на вокзале"	Часть 4 "Всех убитых дети"

"Размышления на вокзале" (Коренбит – Семёнов)

Часть 4 "Всех убитых дети"

1(87). Сосед-герой	– 1.24
2(88). Перед печкой	– 2.03
3(89). Церковка без креста	– 1.37
4(90). Сход	– 1.03
5(91). Молитва	– 1.43
6(92). Мы стесняемся чуда	– 1.42
7(93). Зрелость	– 1.32
8(94). Дым отечества	– 1.23
9(95). Эпоха	– 1.09
10(96). Возвращение в город	– 2.08
11(97). Не дай мне Бог	– 1.31
12(98). Так себе, работка	– 1.31
13(99). Живут пока живут	– 1.15
14(100). Зайду с туза	– 1.25
15(101). Красная площадь	– 1.49
16(102). Подлое время	– 0.38
17(103). Высокой стае	– 1.48
18(104). Не так	– 0.47
19(105). Слепое стадо	– 1.29
20(106). Всех убитых дети	– 1.41
21(107). Российские дон-кихоты	– 1.15
22(108). С кукишем в кармане	– 1.24
23(109). Наука побеждать	– 1.17
24(110). Памяти самих себя	– 2.33
25(111). Подмены	– 0.31
26(112). Наша свобода	– 1.31
27(113). Наши песни	– 1.33
28(114). В ночном полёте	– 1.33
29(115). Другу	– 1.34
30(116). В сторону заката	– 2.17
31(117). Париж	– 2.06
32(118). Сон-ностальгия	– 1.36

Общее время звучания – 49.48

Общее время звучания – 188.28

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 4 "Всех убитых дети"

1. СОСЕД-ГЕРОЙ

Шагнул в избу, ненужную шинель
стряхнул плечами.

Увидел сына (полно, не во сне ль?)
привлек жену (давно забытый хмель!)
с минуту помолчали.

Жена еще заплакать не успев,

передник ненадеванный надев,
стол скатертью покрывала.
И вдруг заговорила нараспев,
заговорила.

Таращился мальчишка из угла
на грудь героя...
А он, как оперся о край стола
единственной рукою, —
так вся изба от счастья поплыла!

2. ПЕРЕД ПЕЧКОЙ

Вновь сидели мы перед печкой,
в темной комнате и вдвоем.
Ты казалась такой беспечной,
разрисованная огнем.

И шутила, и в бок толкала,
и прижмуривалась слегка,
и высовывала лукаво кончик
нежного языка,

И смешливо ждала ответа,
и плечом поправляла плед...
Так по-прежнему было это,
будто не было этих лет!

Но когда отзвенели угли
и подернула их зола, —
золотые глаза потухли,
словно выгорели дотла.

Незнакомой доселе жилкой
обозначился твой висок.
Полкоробки я перечиркал —
все равно закурить не смог.

Ты — притихшая рядом где-то —
не ждала, чтоб зажег я свет...
Так по-прежнему было это,
будто не было этих лет!

3. ЦЕРКОВКА БЕЗ КРЕСТА

Чуть за город — лес да поле,
да церковка без креста.
Одна ведь у нас недоля,
страна моя, маята!

Одна на двоих обида,
терпения пополам.
Обоим от инвалида
в пивных достается нам.

Нам поровну мало хлеба,
а зрелищ — невпроворот.
Но ты и пустого неба
отлей от своих щедрот.

Пошли, чтобы с кем-нибудь я
прошлялся до сентября,
прохожего на распутье,
похожего на тебя.

Да в нищенской позолоте
(не так ли сама горишь?)
соломенные лохмотья
твоих предзакатных крыш.

4. СХОД

На сход собрались старики:
затяжка, сплев, косноязычье.
Как заржавелые замки,
дремучи бороды мужичьи.

Спроси любого: бога нет.
Но божий храм — на то он божий,
и, хоть семь бед один ответ,
тут на войну кивать негоже.

Она, вишь, церковь не глупа:
не проживешь единым брюхом.
«Открыть и пригласить попа —
грехи замаливать старухам».

Ну как тут бороду не скресть:
выходит, бог-то — все же есть?!

5. МОЛИТВА

Пока еще не выветрен судьбой
и под ногами глиной не размазан, —
я говорю с тобой, или с Тобой...
Там, в высоте твоём, он слышен ли, мой голос?

За тридцать событий от меня
шумит твоя счастливая вершина,
все, кроме поднебесья, отстраня...
Там, в высоте твоём, какой сегодня ветер?

Посередине лет земных стою,
со всех сторон обиды и недуги
слетаются на голову мою...
Там, в высоте твоём, о чем поется птицам?

Я не прошу ни хлеба, ни воды, —

ты, или Ты, дай место у подножья
твоей недостижимой правоты...
Там, в высоте твоём, что обо мне ты знаешь?

6. МЫ СТЕСНЯЕМСЯ ЧУДА

Не поймешь, мы откуда.
Не ответишь, куда.
Мы стесняемся чуда,
в этом наша беда.
ведь после абзаца
белоглазой тоски
чем он мог показаться,
мир с зеленой строки?!

Чуть взглянули пошире —
как сподобились мы
все, что вечного в мире,
взять хоть на день займы.
Эту землю вполнеба,
солнцелюбия дрожь...
Ну а то, что без хлеба
мы остались, — ну что ж!

Разве было не вдоволь
нам тропинок во ржи,
нашей доли медовой
со шмелиной межи,
и лесного смиренья,
и беспмятных глаз?..
Благо соль удивленья
сохранилась у нас!

7. ЗРЕЛОСТЬ

Вот и август, и ночи хоть выколи глаз.
Только звездные ливни день ото дня злее.
На ненужных губах тишина запеклась,
Я один; наливаюсь молчаньем и зрею.

Я один; посредине вселенной стою,
сопричастно цветам, и деревьям, и звездам,
бессловесную душу уверив свою,
что как будто для этого только и создан.

А дозрею — сорвусь ли желанной звездой
или яблоком с трепетной ветки свиданья —
и меня словно не было... Воздух густой,
августовская полночь, восторг мирозданья.

8. ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Запалят прошлогодние листья,
и потянет дымком между сосен.
Всколыхнется душа, затоскует,

то ли старость уже, то ли осень.

То ли сизое воспоминанье
дочерна перетлевшей невзгоды;
то ли вечная горечь России —
много воли и мало свободы.

Сушат хлеб, или топится баня,
костерок в чистом поле белесый, —
посреди безутешного мира —
дым отечества, счастье сквозь слезы.

9. ЭПОХА

Чем старше, тем ревнивее эпоха.
Как ветреная женщина, она была
в себя настолько влюблена,
что не ждала от зеркала подвоха.

Лгут зеркала, и все же дело плохо —
морщины, злые губы, седина.
Она теперь — как верная жена —
тебе не позволяет ни полвздоха.

И хоть в кабак, проклятьем заклеимен!
От ласк ее, румян ее, знамен
ветшающих, как ленты на могилах. —
Ребром ладони режешь свой кадык:
вот так уже! И стыдно, что любил их,
и вчетверо стыднее, что привык.

10. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГОРОД

Ждет скитальцев давний дом.
О разохшийся скворешник!
Дверь, открытая с трудом,
в перескрипываньях прежних.
Затемненья полумрак,
недобитая посуда...
Свистнет рак ли, скиснет враг —
мы вернемся, мы отсюда!

Кран с опаской повернем,
обомлеем, что закапал. —
Праха с ног не отряхнем —
как вернемся, сядем на пол.
На состарившийся пол —
разбирать свой пыльный почерк...
Кто сказал, что нужен стол
для хранения слов и строчек!

И опомнимся не вдруг,
и припомним, как любили...
И — блаженнейший испуг:

чайник выключить забыли!
Потеряем всякий стыд,
и — воистину мажорный —
о победе возвестит
водопада шум в уборной.

11. НЕ ДАЙ МНЕ БОГ

Трава окатывает ноги,
чело окутывает мгла.
Не дай мне Бог сейчас дороги,
чтобы куда-нибудь вела.

Не дай мне Бог сейчас подруги,
что напросилась бы помочь.
Во всей беззвезднейшей округе
лишь двое равных — я и ночь.

Земля потоплена в тумане,
ни зги: он сгинул, белый свет.
И нет во мне воспоминаний,
а может быть — и веры нет!

12. ТАК СЕБЕ, РАБОТКА

Я иду сутулый, но прямой,
а кругом косые взгляды ваши:
неприлично — брюки с бахромой,
срамота — ботинки просят каши.

Каша... А за столиками жрут.
Лимонад... А перед каждым водка.
Доблестный у вас, конечно, труд,
у меня же — так себе, работка!

Ах, и мне б костюмчик на заказ,
крашеную девку напоказ,
тонкую усмешку, толстый бас,
но едва взгляну на ваши лица —
чтобы души выросли у вас,
кто-то ж должен, думаю, молиться!

13. ЖИВУТ ПОКА ЖИВУТ

Живут пока живут...
Тоска или простуда, —
однажды позовут
откуда-то оттуда.

С небрежностью такой
помянут между делом —
чуть мреющей рукой,
платочком белым-белым.

И вот — я не Иван,

тем паче — не Царевич.
Отныше я — Туман
по кличке Вечеревич.

Скрываю белый свет
и скрадываю звуки,
и ни дороги нет,
ни встречи, ни разлуки.

И кажется, я тут —
и нет меня, сдается.
Живут пока живут...
А если не живется?

14. ЗАЙДУ С ТУЗА

Так вот оно — спасение души!
На ежедневно стынущем пейзаже
приплюснутые небом этажи
и облака, приправленные сажей.

Ковчег крупнопанельный неуклюж.
Не отсидеться во всемирной луже!
Туз бьет туза, кого-то бьет коклюш,
бьют морду, бьют посуду, бьют баклуши.

Я тоже — до ларечка — добегу.
В снегу бульвар, ворона на снегу
и в воздухе злорадный дух бензина.
Заводят ум за разум тормоза.
Кому-то жаль меня невыразимо,
а я вернусь и вновь зайду с туза.

15. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Свято место пусто не бывает.
Лобное — тем более в чести.
Русская земля не забывает
на костер достойных возвести.

От стыда денница кумачова...
Спасу нет от галочья опять...
Каково-то в чине Пугачева
вам на Красной площади пылать?

На главной площади России,
посредине родины своей!
А кругом — как лезвия, косые
взгляды из урочищ и степей.

А кругом — Емельки злые дети
с ярыми охулками во рту...
Вы горите, вы за все в ответе,
даже за чужую срамоту.

Даже за кривую душу рабью, —
дальняя, а все ж-таки родня.
Разрастайся зарево над хлябью,
правда только чище от огня!

16. ПОДЛОЕ ВРЕМЯ

В мире пахнет паленым,
в мире жгут Человека.
Не возиться ж миллионам
с единицами века!

До того ли, голубчик,
в наше подлое время?
Даже лучше без лучших:
все равны перед всеми!

Ну, а правы ли, нет ли —
это старая песня.
Крутит мертвые петли
самолет в поднебесье.

Сквернословит планета,
отражаясь в бутылке.
Холодок пистолета
у нее на затылке.

17. ВЫСОКОЙ СТАЕ

Не все ли вам равно — суббота
ли, вторник, сколько вас и где? —
Четырехстенная свобода,
и при свече — как при звезде.

Уют сегодняшний изъеден
блокадной памятью... Явись
из пены благостынь и сплетен
готическая тяга ввысь!

Все выше лесенка, все уже,
и вот — как по небу уже!
И тем крылатей ваши души,
чем злее камень на душе.

Пушай безденежье и насморк,
и с виду все как у людей, —
о стая лебедей! Прекрасно
отяжелевших лебедей...

Я тоже вскидываю руки,
но не лечу, а волочу
по темным улицам разлуки
крыло, пришитое к плечу.

18. НЕ ТАК

Да разве я не здешний?! — На-ка,
прими, автобус, мой пятак.
Но выясняется, однако,
я сыт не так и пьян не так.

Я чувствую себя шпионом —
не так терплю, не так люблю,
ни сват, ни брат густым миллионом,
не кум, тем паче, королю.

Нет, не какая-то обида
на милицейские свистки,
но неуменье хоть для вида
выть не по-волчьи — по-людски!

19. СЛЕПОЕ СТАДО

По всей эпохе высятся кресты,
и на небо взглянуть — уже заслуга!
Живешь — и столбенеешь от испуга
перед лицом разнузданной тщеты.

И горестней душевной глухоты
на свете нет, наверное, недуга:
жгут истину, в тюрьму сажают друга,
а ты живешь, поплевываешь ты.

Но вот — еще: живешь не так, как все!
Все крутятся, как белки в колесе,
а он поверх голов глядит куда-то.
Ату его, родимого, ату:
пнуть и распнуть — пусть знает высоту!
...О Господи, спаси слепое стадо...

20. ВСЕХ УБИТЫХ ДЕТИ

Были камни. И были травы.
Были кони. И были версты.
Люди были как люди — правы.
Звезды были как звезды — звезды.

Были судьбы. И были вихри.
Были сабли. И были рубки.
Били наших, рубили ихних —
тех и этих стреляли: русских.

Звезды плыли, а люди пили.
Жизнь любили, и так любили.
Были души. А их убили,
И победу по ним трубили.

Были души краснее крови,

а мечта была цвета белого.
В мире многое было, кроме
той лишь правды, что мира не было.

За Россию свою в ответе
спят рубаки и трубачи. —
Мы живем — всех убитых дети —
и завидуем, хоть кричи!

21. РОССИЙСКИЕ ДОН-КИХОТЫ

Говорят, было с хлебом плохо:
революция, наше детство!
Мы любили тебя, эпоха,
но куда нам, эпоха, деться
от твоих похотливых женщин,
похохатывающих мужчин?! —
Разлинован и расскрещен
сытым пафосом годовщин
твой — всю душу продувший — ветер,
и, зачатые в ночь войны,
мы — исчадия лихолетий —
на бездетность обречены.

Чтобы выпить, не ждем субботы,
в карты дуемся вечерами.
Мы российские дон-кихоты,
мельниц ветряных ветераны.
Мы в музеях ржавеем, рыцари,
поистрепаны наши панцири,
прямо в душу нам лезут рыльцами,
и мальчишки в нас тычут пальцами.

Говорят, жили очень худо,
только молодость сверх пайка...
...Хорошо, что еще покуда
есть над родиной облака!..

22. С КУКИШЕМ В КАРМАНЕ

Свободный синтаксис воспоминаний,
наплывы через точку с запятой... —
Вам кажется, их нету безобманней,
и невдомек, что с кукишем в кармане
к эпохе становились на постой.

Гордитесь героической тщетой
своих испаний и своих германий,
и — скрученные даже в рог бараний —
опьянены восторженностью ранней,
упрямы восклицательностью той,
быть совестно свидетелем которых...
И все-таки — подольше бы у вас
в пороховницах не кончался порох:

куда страшнее правда без прикрас!

23. НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

Молчанье — трудная наука.
Мы побеждаем, зубы сжав.
Победа наша однорука
и ореол над нею ржав.

Он из консервной сделан банки.
Опять злодей какой-нибудь —
и снова слева-справа танки,
и вдруг медаль осколком в грудь.

Мы крестonosцы, не крестьяне, —
свой крест выносим на рубеж.
Земля нарезана ломтями,
бери любой из них и ешь!

Ан нет, долбим гранит молчанья,
дробим в зубах окопный жмых.
Гнездо свивает одичанье
в воронках раковин ушных.

Стоят победы в гордых позах,
их до небес превознесли.
Лежит земля в стальных занозах
и нет победы для земли.

24. ПАМЯТИ САМИХ СЕБЯ

Живем себе, кропаем и корпим.
Треск духовых оркестров нестерпим.
Ни полстроки в угоду не изменим;
мы будем воду пить за наименьшем
вина, есть голый хлеб, вдыхать густой,
благодаренный смрад воспоминаний. —
Всегда кому-то столбик со звездой,
а десятеро — камня безымянной.

Зарытые, да есть ли нам число!
И нас в порыве доблести несло
топтать поля истории — мы тоже,
наверное, могли!.. Но подытожа
нули успехов и нули потерь, —
мы, видит Бог, себя не омрачали
нехваткой славы: присно и теперь
у нас совсем другой варьянт печали.

Свидетельствовать — тоже ремесло!
Чтоб бывшее — быльем не поросло,
не обросло легендой или сплетней,
скрипи наш горб! На улице соседней —
то в память, то по случаю, то в честь —

при всем народе выцветают флаги.
И все-таки по пальцам перечесть
нас, лишних в триумфальной колыхаге!

Зато хоть удается честно спать.
А примерещит ежели опять
казенный дом и позднюю дорогу, —
из-под простынь выпрастываем ногу
и тешим лицемерным холодком...
Ах! Жить бы всем на берегу высоком,
не лязгать ни затвором, ни замком
и неба не выламывать из окон!

25. ПОДМЕНЫ

Вот рифмач,
возомнивший,
что он не рифмач,
но поэт.

Вот ловкач,
возвестивший,
что он не ловкач,
но артист.

Вот палач,
убедивший,
что он не палач,
но герой.

Вот стукач,
не простивший,
что он лишь стукач.

26. НАША СВОБОДА

За руки белые меня
берут, как хулигана.
Две гимнастерки, два ремня,
два вежливых нагана.

На все четыре сапога
подкована свобода.
Я сразу вырос во врага
перед лицом народа.

Меня сгибают пополам,
пишают в черный ворон.
А вся Россия по углам
за нищим разговором.

Толкует про житье-бытье,
пьет мертвую со скуки,
пока мне именем ее

выкручивают руки.

27. НАШИ ПЕСНИ

На баррикадах — *Марсельезу*,
в гнилых острогах — *Варшавянку*,
влача кандалное железо —
Интернационал...

И вот — попав как сельди в бочку
они понюхали *Лубянку*,
где навсегда поставил точку
тем песням трибунал.

А нас кормили вместо мяса —
У самовара моей Машей,
болел живот от перепляса
Катюш, Андрюш, Марфуш.
Навеки ярость *благородна-*
я — застряла в глотке нашей,
и до сих пор скрипят поротно
протезы наших душ.

Живем под *Марш энтузиастов*,
сдвигаем *Ленинские горы*,
стыдимся мальчиков вихрастых,
ведь им не объяснишь!
И то сказать, подходит старость,
хана, как говорится, скоро,
а что *от козлика осталось?*
Один шумелкамыш!

28. В НОЧНОМ ПОЛЁТЕ

Неужели верить равновесью,
даже на последнем вираже!

Может быть, другой какой-то смесью
дышим, а не воздухом уже?
Может быть, бумагою крест-накрест
меченный по окнам город мой
поменял с блокады адрес?
Или мы не по прямой
прорываемся сквозь мирозданье?
И родной аэропорт
(пол-России в залах ожидания)
не под этим солнцем распростерт?
Что нас беспокоить может, если
свой защечный леденец
перекатываем, сидя в кресле? —
Да не все равно ли, наконец,
(самолет, восьмое чудо света!),
отчего мы губы так кривим!

...накрывается планета,

взваленная на плечи живым...

29. ДРУГУ

Мы обменялись городами.
Не обманулись: плен на плен.
Мы наши судьбы скоротали.
Что делать? — Только встать с колен.

Такая малость — встать над бездной,
найти себя и город свой!
Сияет облако над бедной,
безумной нашей головой.

Опомнись... Еще не поздно,
еще не подло... Знаешь сам,
пока врагами не опознан,
безликим кажешься друзьям.

И нас убьют еще... Будь весел!
Не так, так эдак... Просто — будь!
Есть одиночество и ветер,
от рифмы к рифме крестный путь.

Кому еще нужны мы, кроме
любимых женщин по ночам?
А запах нашей трудной крови
щекочет ноздри палачам.

30. В СТОРОНУ ЗАКАТА

Нет, не размолвка, нет, не расставанье.
Я шаг за шагом в сторону заката
неслышно отхожу на расстоянье
руки, тобой протянутой когда-то.

Из твоего спокойного квартала
я возвращаюсь быть своей дорогой:
с горы тащиться на гору устало,
а чуть поодаль — видеться пологой.

Своей дорогой быть, своей работой —
кремнистым словом с отсветом разлуки,
счастливейшей — не в первый раз, не в сотый!
боязнь замереть на полузвуче.

Такой вдруг безоглядностью подуло!
Соринка в голубом глазу пространства,
своею восхищенностью сутулой
врасплох смущаю птичье итальянство.

Вторгаюсь в корнесловие дубравы,
полей листаю подлинник, — всецело
поглощено забвеньем легкой славы

возвышенно дичающее тело.

На острове у нас пустоует лето,
цветут воспоминания вдоль линий,
а солнце опускается не где-то,
а здесь — за той горою, в той долине.

31. ПАРИЖ

И бульвар, и канал,
и фонарь надо мной...
Я впервые попал
в этот город ночной.

Почему же он мне
так щемяще знаком —
тенью счастья в окне
и размытым гудком?

И бездомностью слов,
и бездонностью глаз...
Город гулких углов
и лоснящихся трасс.

Чьей-то первой тоски,
чьей-то поздней любви...
Только знай что такси
задыхаясь лови.

Только знай что в туман
вдоль асфальта шагай,
только знай что в карман
кулаки опускай...

Ни гроша за душой,
только голос в окне,
и от славы чужой
холодок по спине.

32. СОН-НОСТАЛЬГИЯ

Едва я только спрыгну с поезда,
мне ветер — словно пес — на грудь.
Ромашки кланяются поясно
и зазывают отдохнуть.

Но вдоль покоса, мимо пахоты
иду я к дому над рекой,
где окна в яблони распахнуты,
а в чистых комнатах покой;

где хлеб, гордясь домашней выпечкой,
почил на кринке с молоком;
где самовар ворчит с улыбочкой

на песьи просьбы под окном;

где — каждой черточкой родимые —
отметки роста на дверях;
где погреб веет холодиною
и где чердак совсем одрях.

Дверные скрипы вспомню сразу я,
в морщинках прежних потолок. —
Все закоулки я облазаю,
не чуя под собою ног.

И, лишь умаявшись до лешего,
я опрокину в два глотка
за детство, в доме прошумевшее,
стакан парного молока!